
ВОЗВРАЩЕНИЕ САКРАЛЬНОГО КАК АЛЬТЕРНАТИВА

«РЫНОЧНОМУ ТЕРРОРИЗМУ»

(Часть первая)

ПАНАРИН Александр Сергеевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова, заведующий Центром социально-философских исследований института философии РАН, действительный член Российской академии политических наук, Российской академии естественных наук, Российской академии гуманитарных наук, Российской академии славянской культуры, Нью-Йоркской академии наук

1. «РЫНОЧНЫЙ» ВЫЗОВ ПРОСВЕЩЕНИЮ

Модерн как продукт Просвещения

Мы — особое поколение. Дело не только в том, что именно нас целенаправленно отлучают от национального культурного наследия, чтобы сделать манипулируемыми извне. Дело еще и в том, что в нашу эпоху некогда бесспорные, с универсальным смыслом понятия обрели раздвоенность в духе известных «двойных стандартов». Что такое «рыночный порядок» для стран «первого мира»? Это право на ничем не ограниченную мировую экспансию — вторжение в пространство более слабых и ничем не защищенных экономик мировой периферии (принципы «открытой экономики» всякую протекционистскую защиту запрещают). А что означает этот порядок для стран «периферии»? Это процедура вытеснения всех анклавов социальной и культурной развитости и ликвидация программ развития под предлогом их рыночной нерентабельности.

Как видим, рынок может выступать и как фактор эволюции, и как фактор инволюции — в нем оказалась спрятанной стратегия, призванная заменить всечеловеческие универсалии прогресса новыми сегрегационными практиками. Как это оказалось возможным, каково изначальное отношение рынка и прогресса? Сегодня под влиянием нового либерального экономикоцентризма (сменившего марксистский) рынку приписывается роль автоматического гаранта развитости и процветания: был бы рынок, все остальное приложится. Противопоставление развитости и отсталости, динамизма и застоя, модерна и традиционности, демократии и тоталитаризма сегодня осмысливается под знаком рыночной доминанты. Там, где ничто не препятствует «естественным механизмам рынка», там само собой устанавливается царство модерна с его атрибутами благополучия, прав человека, демократического плюрализма и безграничной толерантности.

Каким образом эта подозрительно упрощенная картина воцарилась в умах? Разве теоретики рынка не знают, что рыночный обмен стар как мир и что уже древняя Финикия была рыночным обществом? Означает ли это, что она была *современным* обществом? На самом деле эпохальный сдвиг модерна от статичного к динамичному обществу отнюдь не совпадает с переходом от натурального хозяйства к рыночному. Модерн имеет какую-то тайну, скрытую от «экономистов». Различие понятий рынка и прогресса в первом приближении можно обозначить так: рынок есть способ удовлетворения человеческих *потребностей* на основе товарного обмена; прогресс есть способ умножения человеческих *способностей* на основе знания. Иными словами, в рамках известной дихотомии «первичного - вторичного» рынок не первичен, а вторичен, ибо прежде чем удовлетворить новые потребности людей, надо обрести новые способности к производству благ.

Эти новые способности современное общество, зародившееся на заре европейского

модерна (XV—XVI вв.), обрело на основе общественно-практической мобилизации научного знания. Между человеком как субъектом производства и природой как объектом приложения его сил вклинился посредник — теоретическое знание, ставшее истоком новых промышленных и социальных технологий. Здесь мы можем использовать экономическую аналогию, касающуюся различия простого и расширенного воспроизводства. Путь от первого ко второму совершается через прибыль, которая не продается целиком в индивидуальном потреблении, а в возрастающей части реинвестируется в производство. Применительно к системе общественного прогресса в целом такой прибылью, реинвестируемой в производственные практики, является научное знание. Иными словами, традиционный работник приступал к работе, имея запас знаний и умений, не превышающий того, что ему необходимо для выполнения заданных (рутинных) операций. Современный субъект производства приступает к работе, имея запас знаний, заведомо превышающий требуемые в данном месте и на данный момент. В сфере специализированного образования и повышения квалификации мы непрерывно слышим жалобы со стороны обучаемых, сетующих на то, что им дают «слишком много теории», слишком много непрофильных знаний, которые вряд ли им пригодятся на конкретном рабочем месте. Но все дело как раз в том, что этот «излишек знаний» и является источником социально-экономической и промышленной динамики современных обществ. Благодаря этому излишку возникает «зазор» между личностью и производственной ситуацией, между культурой и промышленностью, между теорией и практикой. Этот зазор становится источником перманентного творческого беспокойства, резервом иначе-возможного. Традиционное производство получало работников, запрограммированных под заранее заданную функцию. Современное производство черпает свое пополнение из системы образования, которой ведает не столько производственная система, заранее знающая, что ей надо, сколько научная система, обладающая постоянно открытой, непрерывно обновляемой и корректируемой программой. Современное образование в смысле знаний дает, как правило, гораздо больше того, чем требуется непосредственно на рабочем месте, а в смысле практических навыков и умений — гораздо меньше требуемого. Поэтому выпускник школы, техникума, колледжа, вуза, в рамках производства всегда чувствует себя «пограничной личностью», которая, с одной стороны, умеет слишком мало для удовлетворительной профессиональной адаптации, а с другой — теоретически знает слишком много для того, чтобы быть ценностно интегрированной в производственную систему и достичь в ней интеллектуального и морального успокоения.

Подобно тому, как неизрасходованная в личном потреблении часть прибыли становится источником мировой динамики капитала, постоянно ищущего новые точки своего приложения, неизрасходованные на рабочем месте знания становятся источником научно-технических революций и общей социокультурной динамики модерна, ни в чем не находящего окончательного успокоения. Величину этой динамики можно измерить: она открывается при построении определенных неравенств, которые являются «формулами прогресса».

«Группа А»:

1. Скорость приращения общетеоретического (межотраслевого) знания должна превышать скорость приращения специализированного отраслевого знания. При таком неравенстве отраслевые научные системы не смогут поглотить все наработанное к данному моменту теоретическое знание; соответствующий «остаток» будет представлять собой специфическую «прибавочную стоимость», служащую неиссякаемым резервом отраслевой науки.

2. Скорость приращения теоретического знания должна превышать скорость развития прикладного знания. Данное неравенство образует постоянные резервы общеинтеллектуального накопления, не продаваемого в процессе отраслевых практик и тем самым являющегося постоянным творческим вызовом технократической субкультуре, не терпящей «безумных идей».

3. Рост общетеоретической подготовки студентов (и других обучающихся) должен

опережать темпы их прикладной, специализированной подготовки. По меркам бюрократического разума, это плодит «беспокойное племя интеллектуалов», не способных утихомириться и не вполне адаптированных практически. Но по меркам, «метафизики прогресса» именно так проявляет себя прогресс — как перманентная «критическая подсистема», подвергающая сомнению все устоявшееся от имени проблематичного «иначе-возможного».

Кроме того, нет никакого сомнения в том, что именно избыток междисциплинарных, общетеоретических знаний у молодежи является гарантом ее способности к усвоению, качественно новых ролей и источником социально-профессиональной мобильности. Если бы система образования была «полностью адаптированной» к практическим нуждам промышленности и не содержала некоего «интеллектуального избытка», она бы готовила людей для данных, уже сложившихся профессий, но не содержала бы резервов для профессиональных новаций и межотраслевых движений квалифицированной рабочей силы.

Обратимся теперь к собственно социальным «формулам прогресса» (Группа Б). В социологии новаций открыто одно принципиальное неравенство различных возрастных групп общества: с одной стороны, выделяются старшие возрастные группы — гаранты исторической и социокультурной преемственности и хранители памяти, с другой — молодежь как группа, больше ориентированная на будущее, чем на прошлое. Статистика подтверждает: чем новее профессия, новее (по номенклатуре изделий) производство, новее научно-техническая, интеллектуальная, урбанистическая среда, тем моложе контингент населения, специфически к ним причастный. Иными словами, молодежь в рамках «цивилизаций прогресса» (в отличие от традиционных цивилизаций) имеет собственную незаменимую миссию: осваивать новые типы технико-производственной, социально-экономической и социокультурной среды. Молодежь уполномочивается обществом для непосредственных столкновений с вызовами будущего. В этом — призвание молодежи и сопутствующие ему коллективные и индивидуальные риски. Хорошо быть молодым — обладать правом и полномочиями на обновление среды; трудно быть молодым — ибо освоение новых форм социального опыта чревато предельным напряжением, а также неудачами и срывами.

Итак, если молодежь — полпред прогресса, то вот первая (I) из социальных формул: чем выше, при прочих равных условиях, доля молодежи в обществе, тем выше темпы его прогрессивных изменений. Могут возразить, что на деле именно современные динамичные общества характеризуются низкой рождаемостью и непрерывным снижением доли молодежи в населении.

В ответ на это выдвинем два уточнения: во-первых, как указал в своих работах знаменитый французский демограф А. Сови, надо демографически сопоставлять не традиционные общества с современными, а современные развитые страны между собой; те из них, в которых действуют программы стимулирования рождаемости и в результате возникает тенденция демографического омоложения, демонстрируют более высокие темпы экономического и научно-технического роста. Убедительным примером служит Франция, в которой государственная программа стимулирования рождаемости сработала как один из главных факторов послевоенного модернизационного сдвига, исправившего репутацию Франции как страны, пораженной болезнью декаданса. Во-вторых, как знать: не объясняет ли нынешнее демографическое постарение развитых стран того удручающего факта, что бум эпохальных научно-технических открытий остался позади и современная западная экономика в основном живет прошлым интеллектуальным запасом? «За последнее десятилетие не открыт ни один объект и не сформулировано ни одного концептуального представления, сравнимых с открытием гена, молекулы, теплоты, информации и разработкой соответствующих теорий»¹.

Формула II: возрастание времени учебы должно опережать рост рабочего времени, непосредственно посвященного общественному производству. Иными словами, чтобы молодежь выступала в роли инновационной группы, общество должно великодушно

предоставить ей право отложить время вступления в профессиональную жизнь ради продолжения учебы. Собственно, именно учебное время, связанное с интеграцией в систему образования, позволяет новому поколению, определиться как, специфической — социокультурной группой — молодежной. Традиционное общество не знало молодежи — оно целиком состояло из детей и взрослых. Между концом детства и началом взрослости никакого временного зазора не было: 12—14-летние шли на фабрику или на пашню, из детства сразу «прыгая» во взрослость. В современном же обществе детство кончается раньше по причине ускоренного полового созревания (акселерации), а профессиональная взрослость, напротив, наступает позже, отодвигаясь к 22—25-летнему возрасту (после студенчества и аспирантуры). Этот промежуточный период между концом детства и началом взрослости и есть период новационный, в ходе которого молодежь выступает преимущественным потребителем новейших «идей века» и наращивает свое отличие от старших поколений.

Продукты общего информационного накопления, образовавшиеся благодаря вышеназванным неравенствам (формулы «Группы А») просто повисли бы в воздухе, оставшись социально не востребованными, если бы в обществе не имелась группа, живущая в «условном мире знания», вместо того чтобы сразу жить в практическом мире.

Формула III: рост свободного времени (досуга) должен опережать рост рабочего (производственного) времени. На это в свое время указывал еще Маркс, подчеркивающий, что богатство в будущем обществе будет определяться не рабочим, а свободным временем¹. В самом деле: рабочее время есть время производственного изготовления вещей, досуг же можно рассматривать как время формирования человеческой личности. И если формирование личности есть нечто более важное, чем производство серийных вещей, то досуг в цивилизованном смысле действительно важнее рабочего времени, посвященного вещам. Досуг есть время внеутилитарного пользования продуктами культуры. Собственно, парадокс культуры в том и состоит, что ко многим ее продуктам нельзя подходить утилитарно как к средству — их содержание раскрывается только в рамках принципа самоценности. Вопросы «для чего литература?», «для чего музыка, живопись?» выдают профанов, чуждых высокой культуры и в принципе для нее небезопасных. Досуг есть время внеутилитарных отношений между личностью и культурой. На этой основе цивилизация совершает свое культурное накопление: наращивает интеллектуальный потенциал, не подверженный, в отличие от инструментально-прикладных знаний, быстрому моральному старению. Эта сфера общекультурного богатства через какие-то таинственные каналы и сети питает и науку, и производство, и бытовую сферу, служит источником общего вдохновения, высоких норм и тонизирующих образцов.

Выше мы описали «механику модерна» (прогресса), определив, что вся она держится на избыточном, по сравнению с возможностями текущего производственно-практического применения, знании, служащем источником перманентной творческой критики всего достигнутого и унаследованного. Перефразируя Канта, противопоставившего свою «критическую философию» предшествующей догматической, можно сказать, что прогресс питается критическим по направленности знанием, основой которого является известная «земная неприкаянность» теории. Подсистема «знания», растущего в процессе общего интеллектуального накопления, по своему статусу напоминает платоновские идеи, будоражащие наши души и не дающие нам окончательно успокоиться и удовлетвориться наличным, земным. Неприкаянное, то есть не годящееся для сиюминутного практического использования знание представляет собой вездесущий вызов статус-кво и порождает среду творчески неудовлетворенных, критически настроенных людей. Одетое в промышленную (иную) униформу, не содержащее никакой интеллектуальной избыточности и полностью готовое к практическому употреблению знание — этот идеал позитивистов и «рыночников» на самом деле сродни не современному, а традиционному ремесленническому обществу, не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. — М., 1969.

знающему зазора между знанием и практиками.

«Рынок» против модерна

А теперь обратимся к современной рыночной идеологии и посмотрим, в каком отношении она находится к «критическому знанию», сопутствующему модернизационному сдвигу и ставшему его двигателем. В системе ожиданий, сформированных идеологией модерна, реформы в постсоветском пространстве должны были работать как механизм выбраковки устаревших практик и производств, заменяемых такими, в которых воплотились новейшие знания и новейшие технологии. Социальные издержки, связанные с демонтажем устаревших отраслей промышленности, безработицей, контрастом между вырвавшимися вперед и депрессивными регионами, ожидалось. Но никто не ожидал подвохов с собственно научно-технической стороны: обвального «секвестра» науки, образования, наукоемких производств. Рынок заработал как редуccionистская — бсеупрощающая система, направленная на сокращение и выбраковку всего высокосложного, служащего источником перспективных новаций. Подобно тому, как в области общественной морали разум сегодня все откровеннее отступает перед инстинктом, в области общественного производства сокращается все, что не сулит немедленной окупаемости и выходит за рамки индивидуальных забот о прибыльности. Соотношение между необходимым временем, затрачиваемым на удовлетворение примитивных «первичных» нужд, и прибавочным временем, посвященным новаторским делам на будущее — общему интеллектуальному накоплению, резко меняется в пользу первого. С этой точки зрения ушедшая советская эпоха выглядит прямо-таки аристократически: при ней общество великодушно содержало те группы и виды практик, у которых не было непосредственного оправдания по критериям немедленной практической пользы и отдачи, но которые символизировали *деятельность накопления.*

Целенаправленный удар был нанесен по фундаментальной науке — она не сумела оправдаться по критериям рыночной рентабельности. По законам «чистого рынка» прикладная наука рентабельнее фундаментальной, открытия которой не могут быть верифицированы в текущем экономическом опыте. Хотя все знают азбучную истину прогресса: прикладное знание конвертируется в технику ближайшего поколения, фундаментальное служит основой качественных сдвигов — техники будущих поколений. С этой точки зрения рынок, с его требованиями немедленной рентабельности, ведет себя как индивидуальный рассудок, конфликтующий с видовым, стратегически мыслящим разумом, умеющим отстоять долгосрочные приоритеты. Мишенью «рынка» оказались, вопреки тому, что можно было предполагать, не носители примитива, а в первую очередь носители наиболее перспективных и рафинированных видов опыта, которые в силу самой своей сложности труднее переводится на язык бухгалтерской ведомости. С учетом формул общего интеллектуального накопления, то есть времени, конвертируемого в наиболее перспективные практики прогресса, сегодняшний рынок работает как система контрмодерна, отбрасывающая успешные модернизироваться общества в допромышленную и донаучную эпоху. По критериям прогресса именно накопление общих знаний универсального применения служит залогом долгосрочной стратегии научно-технического успеха. Преждевременная специализация, равно как и раннее вступление молодежи в профессиональную жизнь, означают снижение времени интеллектуального накопления в пользу времени непосредственного производственного потребления знания. Это грозит обществу проеданием интеллектуального потенциала и сужением долговременных резервов роста. Рыночные цензоры, пытающиеся сэкономить на общем образовании и как можно раньше отправить молодёжь в «работающую экономику», уподобляются тому скопидому, который режет курицу, несущую золотые яйца. Судя по наметившейся тенденции, «рынок» способен вообще устранить учащуюся молодежь как категорию, вызванную к жизни модерном, и вернуть общество к упрощенной дихотомии традиционного типа: малолетние

дети на одной стороне, рано взрослеющее — запряженное в рутинную профессиональную повседневность — самодеятельное население — на другой.

В общем виде контраст между советским и постсоветским («рыночным») опытом резюмируется так: прежняя система, в соответствии с логикой европейского модерна, сформировала особое посредническое звено, вклинившееся между семьей и производством, — подсистему общего интеллектуального накопления, интегрирующую молодежь в качестве уполномоченной для новаций социальной группы. Рыночная система во имя рентабельности стремится сократить это звено. Но тем самым она вносит, ни меньше ни больше, антропологический переворот во всю систему модерна: она устраняет рефлектирующий — самообновляющийся тип работника — в пользу запрограммированного на более простые экономические функции. Резко сокращается время общего интеллектуального накопления и вытесняется связанный с ним специфический человеческий тип: активный читатель, участник семинаров, носитель «факультативных» творческих идей, позволяющий себе пребывать в ограниченном пространстве между высокой теорией и приземленными жизненными практиками. Если прежнюю систему интеллектуального накопления символизировал великовозрастный студент, медлящий приступить к конкретному практическому делу, то нынешнюю, рыночную символизирует мальчишка, забросивший школу и подрабатывающий мытьем чужих автомобилей. Он рано «входит в рынок», но — на правах, которые еще вчера подавляющему большинству показались бы малодостойными. Создается впечатление, что в постсоветском пространстве новая рыночная система в конце обесценила человека, с необычайной резкостью сократив время и средства, затрачиваемые на его подготовку.

Это проявилось не только в прямом сокращении расходов на образование и времени, отводимого учебе, но и в новом соотношении рабочего и свободного времени. Наряду с законодательным увеличением допустимого рабочего времени имеет место его резкое фактическое увеличение за счет совмещения работ. Чтобы как-то выжить, люди вынуждены подрабатывать где только можно, прихватывать вечера и выходные дни, совмещать далекие друг от друга виды занятости. У нации, успевшей приобщиться к цивилизованному досугу, фактически похитили досуг, превратив ее в нацию поденщиков, не смеющих поднять голову к небу. Все факультативное, существующее под знаком любопытного, но не обязательного, все полифункциональное и многомерное, неуклонно сокращается и отступает под давлением непреложного, однозначного, принимаемого вне свободной критической рефлексии. Совсем недавно большинство из нас в самом деле готово было поверить, что прежде мы жили в казарменном тоталитарном пространстве, а ожидает нас общество широкой свободы и терпимости, цветущего многообразия. Вскоре нам пришлось убедиться, что прежний политический тоталитаризм, сковывающий свободы, мало относящиеся к повседневности, сменился тоталитаризмом новой рыночной повседневности, зажимающей нас в такие клещи, в столь принудительную одномерность, в сравнении с которыми прежняя жизнь напоминает беззаботные каникулы. Генеральному секретарю ЦК КПСС в прежние времена осмеливались возражать совсем не многие, зато возражать непосредственному начальнику могли почти все, чувствуя себя защищенными трудовым законодательством и системой социального страхования. Сегодня тоталитаризм шефа, способного выбросить нас на улицу без всякого пособия, порождает таких конформистов повседневности, по сравнению с которыми прежний советский человек мог выглядеть романтическим героем — тираноборцем. К нам пришел новый тоталитарный образ жизни, при котором ничто, идущее от не непреложных (факультативных) инстанций и сфер, таких, как литература, театр и живопись, неформальное дружеское общение, фактически уже не принимается во внимание, ибо все живут в тисках «материально первичного», непреложного, одномерного. «Очарованных странников» прогресса, грезящих о светлом будущем и испытывающих на себе новые факультативные образцы и игровые экспериментальные роли, сменил поденщик повседневности, целиком погруженный в свои текущие заботы. Временной горизонт личности сузился как никогда: в системе мотивации произошел резкий сдвиг в пользу

сиюминутной озабоченности. От универсального к частичному, от разностороннего к одномерному, от высокосложного к примитивному, от перспективного к краткосрочному — таков вектор жизни, заданный новой системой рынка.

Этого, кажется, никто не ждал. Все были уверены, что рынок — один из главных, если не главный, фактор общественной динамики, порожденный европейским модерном. Теперь обнаруживается, что по многим показателям рыночная система находится в антагонистическом отношении к системе общеинформационного (интеллектуального) накопления, неотделимой от модерна. Возникает вопрос: всегда ли рынок выступал в этом качестве, или мы сегодня имеем дело с каким-то искаженным, мутированным рынком, реальные свойства которого еще не осмыслены общественной наукой? Уже европейские романтики, а вслед за ними теоретики социализма, в том числе и Маркс, отмечали вредность капитализма некоторым формам духовного производства, к числу которых наряду с искусством и литературой, может быть отнесена и фундаментальная наука, и система академического образования, и другие системы, питающие свободную творческую личность, не склонную сужать свой диапазон до сугубо утилитарных функций. Многозначительным реваншем буржуа-скопида над «враждебной культурой интеллектуала» (Д. Белл) стала неоконсервативная волна 70—80-х гг. на Западе, когда на роль нового директивного учения выдвинулась чикагская экономическая школа. Ее адепты были исполнены решимости «вынести за скобки» все те виды деятельности, которые «чисто рыночная», то есть не обремененная никакими социальными обязательствами экономика не признает рентабельными. Драматический парадокс нашего времени состоит в том, что эта «чикагская программа» оказалась до конца невыполнимой на самом Западе, но которую взялись буквально воплотить новые реформаторы на Востоке — в постсоветском пространстве.

Научной догадкой общеметодологического значения сегодня является то выдвигаемое многими обществоведами положение, что капитализм обязан своей устойчивостью и эффективностью до- и внекапиталистическим предпосылкам истории морали и культуры. Иными словами, капитализм живет и терпит жизнь вокруг себя лишь в качестве смешанного общества, в котором рыночный социал-дарвинизм («естественный отбор») сочетается с вне рыночными механизмами стимулирования и поддержки «неэкономических» практик. В первую очередь это относится к известным формам духовного производства, расцвет которых пришелся на эпоху, названную веком Просвещения. В XVIII веке в Европе сформировалась относительно автономная система интеллектуальных практик, сосредоточенных вокруг университетов и академий. Никакой «рынок» не собирался ее финансировать: своим расцветом она обязана «просвещенной монархии» во Франции, Германии и частично Англии. Университеты и академии, финансируемые просвещенными монархами, работали не столько на рынок — продавая прикладное знание — товар, сколько на государственную систему подготовки управленческой бюрократии, рекрутируемой на должность на основе служебного экзамена. Управленцы справедливо рассматривались не столько как узкие специалисты-«прикладники», сколько как носители общего знания — основы социально-управленческих практик. Отсюда — их в основном «философская» идентичность. Эту интегративную модель университетского знания, не дающего социуму распасться на равнодушные друг к другу фрагменты, наиболее ярко сформулировал Фихте в знаменитых «Речах к немецкой нации». Он выдвинул идею немецкого реванша за поражение от наполеоновской Франции: Германия возродит свое величие благодаря не военной, а духовной мощи. В центре университетского образования как всеинтегрирующей, «синтетической» системы должна стоять философия, назначение которой — устанавливать скрытые связи между специализированными областями общественной жизни и специализированными отраслями знания. Знание, касающееся общих связей и закономерностей — универсалий, — должно расти быстрее отраслевого и прикладного знания, обращенного к утилитарным запросам (тому, что сегодня мы бы назвали «рынком»). Поддерживать такое знание способно только государство как носитель не рассудочных

(узкоутилитарных), но разумных — стратегических функций. Сегодня мы «ложем смело сказать: если бы Германия в свое время не отстала бы от Англии по меркам чисто буржуазного развития, мы бы не имели классической немецкой философии, открывшей миру уже не эмпирического субъекта, замкнутого на сиюминутных практических нуждах, а трансцендентального субъекта — носителя вселенских универсалий прогресса.

Ход всемирной истории нового времени подчиняется своеобразной логике: логике компенсаций чисто рыночных механизмов, нетерпимых к общему интеллектуальному накоплению. Сначала такая компенсация действовала со стороны институтов, исторически предшествующих капитализму, в частности, просвещенных монархий, курирующих университетское образование. Затем, со второй половины XIX в., — со стороны институтов, сформировавшихся в логике «посткапитализма» и появившихся на гребне антибуржуазного революционного и реформаторского движения. В частности, новым спонсором «постэкономических» практик, связанных с фундаментальными науками, массовым образованием и системой поддержки профессиональной мобильности стало новое социальное государство, компенсирующее социальную близорукость «чистого рынка». Особое значение эта компенсирующая активность государства приобрела в советской России и следующих за нею после социалистического переворота странах Восточной Европы (а также Азии). В этих странах прежняя система рынка работала особо безжалостно в отношении человеческого фактора цивилизации. Капиталистический строй складывался здесь как система внутреннего колониализма, имеющая дело с человеческим капиталом «низкой стоимости». Органически свойственный рынку социальный и культурный нигилизм — пренебрежение формами, которые не подлежат непосредственной экономической утилизации, здесь на Востоке мог приобрести масштабы, несовместимые с сохранением каких бы то ни было цивилизованных устоев. Прежде хранителем таких устоев выступала монархия, балансирующая между экономическими приоритетами новых буржуа и внеэкономическими приоритетами «старых русских». Когда монархический порядок рухнул и на повестку дня встала кадетская программа «минимального государства», исповедующего либеральный принцип невмешательства в социально-экономическую жизнь, редуционистская система рынка, воюющего с социумом, могла бы заработать полным ходом. Но в дело вмешались новые исторические субъекты, работающие в антикапиталистической и антирыночной логике. Итогом их миропотрясающей активности стал новый строй — социализм, в котором две подсистемы европейского модерна — Рынок и Просвещение — оказались разведенными и противопоставленными друг другу. Спустя 30—40 лет после Октябрьского переворота Россия стала страной сплошной грамотности, но при этом — чуждой рынку. В новой логике социалистического развития необычайно интенсивно заработали механизмы общего интеллектуального накопления, связанные с массовым высшим и средним специальным образованием, с государственным финансированием фундаментальной науки и социокультурной инфраструктуры (библиотеки, музеи, клубы и дома творчества и т.п.). Но в силу разрушения рыночной системы, незаменимой в деле отбора экономически эффективного и сулящего отдачу, возникло перепроизводство продуктов интеллектуального накопления, не находящихся ясного практического применения. Советский человек как особый культурно-исторический тип оказался носителем массы «факультативных знаний», не привязанных к конкретным практикам. Отсюда — его «вселенская» отзывчивость и восприимчивость, вкупе с паразитической практической неустойчивостью и неопределенностью в вопросах идентичности.

К настоящему времени Россия прошла две фазы большого историко-культурного (цивилизационного) цикла: антирыночную, социалистическую, и рыночную. Для того, чтобы прогнозировать грядущее, нужно оценить то новое, чем нагружена новейшая рыночная фаза. Основатели рыночной теории постоянно подчеркивали, что рынок есть процедура открытия экономически эффективного поведения в условиях *редкости благ*, не являющихся бесплатным даром природы. Судя по всему, сегодня рынок работает в каком-то новом историко-культурном контексте, сообщающем рыночному отбору совсем не тот смысл,

какой ему придавали классики политической экономии. Речь идет уже не об относительной редкости благ, создаваемых трудом, а об абсолютной редкости планетарных ресурсов, которых — в этом и состоит новое прозрение века — «на всех не хватит». Иными словами, понятие «рынок» несет новый социал-дарвинистский смысл после открытия «пределов роста», постулированных в напумевших докладах «Римского клуба». Теория прогресса исходила из того, что ресурсы носят исторический характер: каждый новый технологический переворот, совершаемый на основе новых фундаментальных открытий, дает человечеству качественно новые ресурсы взамен прежних, начавших иссякать в рамках прежнего способа производства. Иными словами, главным ресурсом цивилизации теория прогресса признавала творческую способность человека, вооруженного Просвещением для новых взаимодействий с природой.

С некоторых пор акцент сместился в духе пассивного экономического потребительства: при недопущении мысли о новом способе производства («конец истории») не допускается и мысль о качественно новых ресурсах — они признаны наличными и конечными (дефицитными). Одновременно пораженным в статусе выступает и сам человек: он уже — не творец, а потребитель. А поскольку планетарные ресурсы признаны раз и навсегда ограниченными, то дальнейшая человеческая история стала мыслиться как *безжалостная конкуренция потребителей*. В этой мальтузианской картине мира понятие рынка несет качественно иное содержание: рынок выступает как *процедура выбраковки человеческой массы, отлученной от дефицитных благ цивилизации*. Речь идет уже не о конкуренции производителей, предлагающих неравноценные формы экономического поведения, а о конкуренции потребителей, представляющих неравноценный (по социал-дарвинистским признакам) человеческий материал.

Тем самым высвечивается планетарный геополитический смысл «рынка»: рыночный естественный отбор в открытой глобальной экономике должен лишить права на самостоятельное пользование дефицитными ресурсами планеты тех, кто по современным идеологическим стандартам признан «менее достойным». Выбраковка недостойных может осуществляться по разным критериям: экономическим — неумение «недостойных» пользоваться ресурсосберегающими технологиями, политическим — «недостойные» используют ресурсы в агрессивных милитаристских целях, идеологическим — «недостойные» создают режимы, нарушающие права человека и т. д. Но во всех случаях «рынок» навязывает недостойным один и тот же императив: свернуть собственное производство, а также собственные научно-технические и образовательные программы для того, чтобы фактически передать имеющиеся на их территории ресурсы в пользование более благонамеренным и достойным. Здесь-то и обнаруживается истинное назначение пресловутых «секвестров». Секвестры науки, культуры и образования призваны не только лишить население новой мировой периферии статуса производителей, самостоятельно использующих планетарные ресурсы на своих национальных территориях, но и понизить его в *человеческом достоинстве*: превратившись в безграмотных, «нецивилизованных» маргиналов, данное население лучше подтверждает презумпции глобального расизма.

Парадокс будущего: спасение Просвещения через фундаменгализм

Ясно, что новая картина мира, в которую погружает нас современный «рыночный либерализм», является *дестабилизационной*: она чревата опаснейшим расколом человечества на избранных и неизбранных, отлучением неизбранного большинства от цивилизованного существования и, как следствие — глобальной гражданской войной. Глобальное рыночное общество сегодня работает как сегрегационная система, бракующая «неадаптированное к рынку большинство человечества». Выход из этого тупика один — возвращение к модели Просвещения на новой основе. Модель Просвещения, в отличие " от мальтузианской модели, интерпретирует человека не как алчного потребителя благ, а в

первую очередь как их творца-производителя. Она предполагает, что по мере того, как человек вооружается новым научным знанием, его роль как творца богатства (главной производительной силы) выступает на первый план и доминирует над его потребительскими ролями. В этой просвещенческой оптике только и может найти себе алиби современный гуманизм, который, в отличие от новейшего социал-дарвинизма, страшится не избытка лишних ртов на планете, а недооценки человека в его роли творца и создателя.

Не вернувшись к модели Просвещения и основанному на ней процессу интенсивного интеллектуального накопления, мир не выйдет из тупика, в который его загнали новые мальтузианцы — социал-дарвинистские интерпретаторы «рынка». В то же время совершенно очевидно, что восстановление просвещенческой парадигмы предполагает появление инстанции, выступающей как корректор рыночных требований краткосрочной отдачи и рентабельности. Такой инстанцией всегда было авторитарное государство: во времена просвещенного абсолютизма, в период рузвельтовского «нового курса», в эпоху социалистических преобразований в России. Вопрос в том, *какие силы на основе какой мотивации* (идеи) смогут воссоздать такое государство. Ясно, что сегодня, когда за социал-дарвинистской системой «рынка» стоят столь влиятельные в финансовом, политическом и идеологическом отношении силы, альтернатива не может вырваться на основе чисто рассудочных, технократических модельных расчетов. Конкуренция различных «моделей роста», мозговые штурмы, предпринимаемые в сообществах нынешней правящей элиты, монополизировавшей процесс принятия стратегических решений, ничего качественно нового заведомо дать не могут. Вопросом эпохи и ставкой века стали не те или иные «экономические модели», а само право народов на существование и человеческое достоинство. Большинству, осужденному на основе новой рыночной логики, должна быть предоставлена реабилитация, которую современный истеблишмент представить не в состоянии. В грядущей постлиберальной фазе мирового исторического развития проступают контуры нового социального государства, ничего общего не имеющего с либеральным «государством-минимумом». Если либеральное государство по определению не интересуется ценностями и является деидеологизированным, то новое социальное государство не может не предстать по-новому ценностно ангажированным, «фундаменталистским». Реабилитация большинства, ныне ускоренно загоняемого в гетто, не может осуществиться на основе либеральной «светской морали», перешедшей на сторону сильных и преуспевающих. Новое социальное государство, по всей видимости, заявит о себе в какой-то теократической форме: оно выступит в содружестве с «церковью бедных», видящей в обездоленных последнее прибежище духа, последнюю опору великих и поруганных ценностей. Нынешний реванш богатых над бедными, «правых» над «левыми», поборников социального неравенства над адептами равенства и справедливости ознаменовался наступлением контрпросвещения в форме радикальных секвестров науки, культуры и образования. Новые богатые вышли из сложившейся системы национального консенсуса, основанной на прогрессивном подоходном налоге и государственных дотациях в пользу неимущих. В результате произведенного демонтажа социального государства рухнула прежняя система массовой вертикальной мобильности, основанная на демократически доступном образовании. Достоинство человека стало определяться не на основе и по итогам образования, а *до образования*: одни (богатые) априори оцениваются как достойные всех благ цивилизации, в том числе благ образованности, другие — как априори недостойные. Ясно, что сломать эту новую господскую систему социал-дарвинизма можно, только вооружившись *большой* (не технократической) идеей, рождающей пассионариев и харизматиков. Не оправдав бедных по высшим сакральным основаниям, мы не сможем вернуть им права, столь стремительно у них отнятые. По меркам нынешних светских идеологий у бедных нет и не может быть настоящего алиби. А, следовательно, нет и не может быть алиби у демократически доступного образования, которое новая рыночная система, замешанная на социал-дарвинизме, отказывается финансировать.

Отсюда — уже просматриваемый парадокс будущего: новое массовое Просвещение

потребуется уже не светских, утилитаристских аргументов, а морально-религиозных, основанных на картине мира, в которой обездоленные и «нищие духом» выступают как носители высшей миссии, как спасители одичавшего человечества, отведавшего «закон джунглей». Все это означает, что формулам прогресса — общего интеллектуального накопления предстоит быть реинтерпретированным в сотериологическом — миропасательном и мессианском смысле. Обратимся к формуле 1 («А»). Чтобы оправдать — вопреки всемогущей «цензуре рынка» — фундаментальное знание и обосновать его опережающее развитие в сравнении с экономически конвертируемым, прикладным знанием, обещающим скорое появление быстро окупаемых технологий, необходимо внести в структуру фундаментального знания сотериологический элемент. Если ценности спасения выше ценностей обогащения (к тому же предназначенного меньшинству), то ясно, что в систему фундаментального научного поиска должен быть заложен сотериологический мотив: спасения природы, спасения культуры, спасения человека. Пржежня прометеева наука, призванная служить целям преобразования природы и общества во имя «морали успеха», для этого не годится.

Прометеев проект модерна питался знанием, не интересующимся «внутренними сущностями» природных и социальных объектов. Это была бихевиористская модель знания, устанавливающая корреляции между контролируемыми «входами» и «выходами», минуя «черный ящик» скрытых субстанций бытия. В этом смысле прометеева наука не была по-настоящему *фундаментальной* — в смысле фундаментальной онтологии Хайдеггера, вопрошающей о самом бытии. Скорее это была система инструментального знания, мобилизованного фаустовской личностью в «человеческих, слишком чеповеческих» целях. Такое знание озабочено не субстанциями, а акциденциями — затребованными нашим утилитарным сознанием свойствами вещей. Современный глобальный экологический кризис требует кардинального методологического переворота: знание об общем (общих основаниях бытия тех или иных объектов) должно предшествовать процедурам утилитарного использования отдельных свойств вещей. Иными словами, для того, чтобы сохранить уникальные природные гео- и биоценозы, надо несравненно больше знать о мире, нежели это требуется для того, чтобы поставить нам на службу отдельные полезные — в краткосрочной перспективе — свойства вещей.

Сберегающее знание, которое предстоит ускоренно нарабатывать человечеству, требует несравненно большей фундаментальной глубины, чем прежнее преобразующее, проектное знание. Фундаментальная наука, выступающая с этим новым, сотериологическим призванием, получает такую легитимацию, какую ей не смог дать даже прежний прометеев проект, не говоря уж о рыночном проекте, в принципе не чувствительном к вопросам долгосрочной, стратегической перспективы.

Аналогичные преобразования мотиваций мы будем иметь в отношении образования. Формула интеллектуального накопления, предусматривающая повышение доли общетеоретической, общеобразовательной подготовки, здесь оправдывается не только соображениями адаптации молодежи к прогрессу и ее профессиональной мобильностью (отраслевое, специализированное знание быстрее морально стареет и больше привязывает к заданным, уже сложившимся профессиональным ролям). Новая общетеоретическая и общеобразовательная подготовка, основанная на междисциплинарном подходе, на активном диалоге естественных, гуманитарных и социальных наук, призвана преобразовать саму установку образования, ввести его в новый мировоззренческий контекст. Пржежня установка, идущая от прометеевского проекта, была основана на социоцентризме — отрыве общества от природы и противопоставлении человеческих целей, будто бы единственно имеющих значение — мирозданию, понимаемому как склад полезных для человека вещей. Новая установка будет уже не социо-, а космоцентричной — вписывающей человеческие проекты и цели в строй общей космической гармонии, значение которой заведомо превышает наши своевольно корыстные притязания и расчеты.

Фундаментальная онтология, открывающая первичное, незамутненное бытие вещей,

находит естественное дополнение в фундаментальной онтологии, которая не может не быть религиозной — связанной с учением о спасении и Спасителе. Образование как новая антропологическая школа, основанная на презумциях спасения, учит подчинять все инструментальные средства, сформированные конкретным научным знанием, высшей цели спасения мира и сотериологическому призванию человека. В рамках этого нового видения молодежь как инновационная группа, связанная с потреблением нового знания, не противопоставляется другим возрастным группам. В новой системе единого непрерывного образования все возрастные, все социальные группы интегрируются на основе единой установки: создания необходимой дистанции между нашими текущими утилитарными заботами и тем, что мы зовем истинным общим призванием и истинным человеческим назначением на земле. Сегодня большинство экспертов по образованию прогнозирует значительное повышение доли социально-гуманитарной подготовки в общем образовании специалистов. Как правило, они обосновывают это возрастанием человеческого фактора («человеческого капитала»). Роль человека как агента производства и инициатора, новых общественных практик в самом деле резко возрастает в новой информационной экономике. Но этот аргумент не помешал «рыночным реформаторам» пренебречь человеческими, социальными приоритетами в пользу «рыночных», оказавшихся по истине разрушительными в человеческом отношении. Не помешал он и «реформам образования», прямо приведшим к резкому свертыванию социально-гуманитарных приоритетов и вымыванию соответствующих типов знания в рамках нового образовательного стандарта. Здесь, как и в других аналогичных случаях, для сохранения социально-гуманитарных приоритетов требуются более сильные аргументы, чем чисто утилитарные, связанные с экономической прагматикой. Гуманитарная идея тогда достигнет мощи, достаточной для новой реабилитации социально-гуманитарной подготовки в рамках системы просвещения, когда она обретет сотериологический смысл. Прежде чем общество станет по-новому *гуманитарным*, ему предстоит стать *гуманным* — преодолеть то социал-дарвинистское презрение к человеку, которому учит новая стратегия естественного отбора. Сначала необходимо по-человечески реабилитировать всех тех «нищих духом» и неприспособленных, которым рыночные реформаторы отказали в праве на жизнь — и тогда социально-гуманитарные приоритеты в рамках системы образования утвердятся как факт мировоззренческий, ценностный, идеологический. Не придав гуманитарной идее этого сотериологического смысла — впечатлительности к проблемам и нуждам «экономически неприспособленных», мы не сумеем отстоять ее и как составляющую новой системы просвещения — аргументы социал-дарвинистских «экономистов» окажутся сильнее.

В заключение надо сказать еще об одном условии новой социализации молодежи, при нарушении которого все траты могут оказаться прямым вычетом. Речь идет о формировании коллективной национальной идентичности. Национальная идентичность стала бранным словом новой либеральной идеологии, предпочитающей говорить не о патриотах, а о «гражданах мира», свободно кочующих в «открытом глобальном пространстве». Между тем идентичность есть важнейший из механизмов обратной связи, благодаря которой инновационные группы возвращают свой приобретенный интеллектуальный капитал обществу и способствуют развитию той национальной среды, которая их изначально взрастила. В промышленной социологии существует система тестов, на основании которых оценивается готовность молодого специалиста вносить активный вклад в развитие предприятия, где ему выпало трудиться. В условиях нового информационного общества предприятие не является самодостаточной информационной системой: новые технологические и организационно-управленческие идеи оно, как правило, черпает в системе обособившегося научного (духовного) производства. Молодые специалисты, вышедшие из этой системы (ибо вуз — составная часть ее) являются посредниками между духовным и материальным производством, внося научные идеи первого в технологические практики второго.

Но чтобы деятельность такого внесения имела место, молодые специалисты должны быть соответствующим образом мотивированы. Они должны верить в возможности своей творческой самореализации на предприятии, оптимистически оценивать перспективы своего профессионального роста и участия в принятии решений, у них должна на месте оказаться среда единомышленников, поддерживающих их начинания. Наконец, они в целом должны положительно оценивать свой трудовой коллектив, его отзывчивость к новому, его место в системе научно-технического прогресса. Если все это не обеспечено, если молодые специалисты скептически оценивают своих коллег и свои шансы в «этой» среде, то они скорее будут чувствовать себя инородной группой, волею обстоятельств заброшенной в тупую и косную среду, перед которой бессмысленно метать бисер. Но все это оказывается справедливым и при переходе от экономического микроуровня — отдельных предприятий — к социально-экономическому макроуровню, касающемуся целой страны и самочувствия инновационных групп в ней. Если образованная молодежь и другие группы, образующие научно-техническую и интеллектуальную элиту общества, крайне низко оценивают перспективы своего государства, мало надеются на признание и реализацию в «этой стране», не усматривают ценности в ее культурной традиции, а в носителях этой традиции видят скорее помеху, чем подспорье, то их удел — состояние внутренних эмигрантов, исполненных разрушительного скепсиса и несущих деморализацию. Они станут отрицательной величиной в идейно-интеллектуальном балансе страны в силу своей переориентации с национального на глобальное общество. Новый глобальный мир, помещающий наиболее продвинутые и мобильные элементы социума в ситуацию межкультурного сопоставления и сравнения и к тому же ослабляющий национальные суверенитеты и привязки, способен создавать новый тип паразитизма. Одни страны могут тратиться на образование молодежи и подготовку кадров, а другие, пользуясь своим экономическим и символическим (касающимся престижа) капиталом, переманивать уже подготовленных специалистов, организуя утечку умов. Причем эта утечка осуществляется не только в форме открытой эмиграции, но и в форме более или менее скрытой переориентации образованного сообщества с национальных целей на цели иностранных захватчиков. Система иностранных грантов, предоставляемых в соответствии с интересами финансирующей стороны, постепенно превращает Россию «из государства, плохо использующего собственные научно-технические достижения для удовлетворения общественных потребностей в государство, хорошо удовлетворяющее потребности других стран. Мы стали обеспечивать высокоразвитые государства не только дефицитными для них видами сырьевых ресурсов и огромными незаконно вывезенными валютными средствами, но и научно-техническими знаниями...»². Следовательно, для того, чтобы включить эффективную программу развития страны, требуется не только использование таких новых факторов, как наука и образование, но и таких старых консервативных ценностей, как привязанность к собственной стране, патриотизм, национальная идентичность. Без этого инновационные группы могут превратиться в глобальную «диаспору прогресса», тяготеющую к уже сложившимся модернизационным центрам мира в ущерб покинутой Родине, обреченной стать «зоной забвения». Без устойчивой национальной идентичности инновационных групп прогресс утрачивает механизм обратной связи — между донорской средой, где рождаются пионерские инициативы, и местной средой-восприимчиком. Это крайне выгодно господствующему «первому миру», использующему эффекты закона концентрации интеллектуального капитала, но губительно для мировой периферии. Именно поэтому идеология «либерального центра» насаждает принципы «открытого общества» и глобального интернационала, не имеющего отечества. Но именно поэтому в странах старой и новой «периферии» должна родиться альтернативная идея защищаемой идентичности и этика нового коллективного служения.

А это значит, что в районах современной образовательной системы, наряду с

² Ваганов А. «Западный пылесос» для российской науки // Отечественные записки, 2002, № 7. — С. 292.

принципами открытости новому, должны работать принципы привязки, связанные с мотивами национальной солидарности, социальной ответственности, гражданского долга специалиста. В систему современного прогресса может войти только сплоченный социум, умеющий связывать граждан солидаристской этикой и коллективной идентичностью. Если же на место этого целостного социума поставить, в соответствии с установками нового либерального учения, общество как совокупность, социальных атомов, преследующих исключительно индивидуалистические цели, то вместо сохраняющей кумулятивную способность среды прогресса мы получим дисперсную среду, существующую под знаком энтропии. Всю свою внутреннюю энергию такая среда отдает вовне, теряя потенциал и вектор развития. Отсюда парадокс: для сохранения перспектив прогресса необходимо сохранить известные консервативные ценности и установки, не обращая внимание на идеологические проклятия либералов. Либералы служат «мировому центру», а нам предстоит служить Отечеству — другой земли, в отличие от известных «граждан мира», у нас нет. Среди незаменимых достоинств родной земли имеется такое, которое специально интересует социологию новаций, равно как и социологию молодежи, социологию науки и образования: родная среда обладает процедурами открытия таких наших достоинств, которые в чужой среде в принципе не могут быть открыты. На эту герменевтическую способность любви остроумно указал В. Франкл: «И вновь оказывается, что абсолютно не правы те, кто утверждает, что любовь ослепляет. Наоборот, любовь дает зрение, она как раз делает человека зрячим. Ведь ценность другого человека, которую она позволяет увидеть и подчеркнуть, еще не является действительностью, а лишь простой возможностью: тем, чего еще нет, но что находится лишь в становлении, что может стать и что должно стать. Любви присущи когнитивные функции»³¹.

Как давно уже обосновала системная социология новации, судьба тех или иных новаторских идей зависит не только от эвристической ценности этих идей, их внутреннего содержания, но определяется социальным статусом их носителей. Самые перспективные идеи компрометируются, теряя свою привлекательность в глазах окружения, если их носителями оказываются социальные аутсайдеры. На родной земле мы не аутсайдеры. Поэтому в том счастливом случае, если мы в самом деле оказываемся носителями перспективных инновационных проектов, у нас здесь, на Родине, несравненно больше шансов наблюдать их практическое торжество. Питирим Сорокин как социолог несравненно выше Т. Парсона. Но для Парсона Америка – родная среда, и это, несравненно, повлияло на исход соревнования социологии Сорокина и Парсонса — на последнего работал весь авторитет Америки и ее неформальная поддержка. Это правило продолжает работать в мире. Идеи, за которыми стоит авторитет признанной и влиятельной державы, становятся влиятельными безотносительно к их сравнительно-содержательной стороне. И если мы хотим, чтобы наша образованная молодежь имела перспективу и обрела надежную платформу для внедрения своих творческих идей, мы должны позаботиться о том, чтобы у нашей молодежи была Родина — авторитетная и влиятельная.

© Панарин А.С.

³ Франкл В. Человек в Поисках смысла. М., 1990. - С. 96.